УДК 329.15 (571.54) "1925″

Т.И. Морозова

КОНФЛИКТ В БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОМ ОБКОМЕ РКП(б): ФОРМАЛЬНЫЕ И НЕФОРМАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ БОРЬБЫ ЗА ВЛАСТЬ (МАРТ – НОЯБРЬ 1925 г.)

Статья посвящена конфликту, возникшему в руководстве Бурят-Монгольского обкома РКП(б) в марте 1925 г., носившему латентный характер и завершившемуся только спустя восемь месяцев. На основе широкого круга источников установлены все участники этого противостояния, выявлены основные мотивы их поведения, охарактеризованы применявшиеся в ходе борьбы формальные и неформальные политические практики. Показаны итоги конфликта и сделан вывод о степени его завершенности.

Ключевые слова: РКП(б); Бурят-Монгольский обком; политические практики; борьба за власть; конфликт; М.Н. Ербанов; А.И. Оширов; М.М. Сахьянова.

Конфликты, являющиеся выражением интересов, всегда играли и продолжают играть колоссальную роль в истории человечества. Возникая на политической, экономической, социальной, этнической или религиозной почве, они отличаются друг от друга остротой, масштабами, продолжительностью, результатами и последствиями. Характер и частота происходящих в обществе конфликтов являются одновременно и индикатором его состояния, и фактором дальнейшего развития.

В СССР, где на протяжении почти семи десятилетий политическая, экономическая и социальная сферы контролировались РКП(б)–ВКП(б)–КПСС, особое значение имели конфликты внутри правящей партии. От их исхода зависели как максимум – внешняя и внутренняя политика государства, как минимум – судьбы конкретных людей.

Большое число внутрипартийных конфликтов пришлось на период новой экономической политики, когда неотъемлемой составляющей политической повседневности являлась борьба за власть. Последняя вовсе не ограничивалась противостоянием в высших эшелонах власти. В действительности она пронизывала почти все этажи партийной иерархии. Следствием этого стали многочисленные конфликты не только в Политбюро ЦК, но также в республиканских, областных, краевых, губернских, уездных и даже районных комитетах РКП(б).

В их числе – стычка, происшедшая в Бурят-Монгольском областном комитете РКП(б) в марте 1925 г. Поводом к ней стало избрание в состав обкома выходца из богатой бурятской крестьянской семьи члена партии с 1920 г. А.И. Оширова. Несогласие ряда ответственных работников, бурят по национальности, с результатами выборов привело к серьезному конфликту в областном комитете, почти восемь месяцев державшему в напряжении партийное руководство Бурят-Монгольской республики.

Существует обширная литература, позволяющая реконструировать контекст описываемых событий. Условно она подразделяется на три группы: издания об истории Бурятии в целом [1–6 и др.]; публикации о Бурят-Монгольской партийной организации [7–11]; справки, статьи и книги биографического характера об отдельных участниках конфликта [12–17]. Однако, как ни парадоксально, даже простое упоминание об этом противостоянии имеется в очень ограниченном числе публикаций.

Первым исследователем, написавшим о возникновении в 1925 г. группировки, «деятельность которой была направлена против руководства обкома партии», судя по всему, был Г.Д. Басаев. Еще в 1959 г., опираясь на документы Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ныне – РГАСПИ), он обозначил хронологические рамки и назвал поименно четырех участников конфликта (И.С. Архинчеев, Е.И. Лосов, М.М. Пилунов и Д.М. Убуганов), а также показал решающую роль ЦК и ЦКК РКП(б) в его разрешении. Обнародование этой информации явилось важным шагом на пути к понимаю тех процессов, которые на самом деле происходили в середине 1920-х годов в руководстве Бурят-Монгольской партийной организации. В то же время, полностью доверяя официальным партийным документам, автор объяснил причины появления группировки ни чем иным, как усилением классовой борьбы в деревне и «мелкобуржуазными шатаниями» части бурятской интеллигенции [7. С. 59–61].

В более поздних публикациях Г.Д. Басаев ввел дополнительный фактический материал. В том числе показал позицию президиума Бурят-Монгольского обкома, на закрытом заседании 31 мая 1925 г. резко осудившего группу, само существование которой противоречило решению X съезда РКП(б) о запрете фракций и группировок. Однако интерпретация автором причин конфликта даже в постсоветское время не претерпела каких-либо существенных изменений [2. С. 194–196; 8. С. 143–144; 9. С. 36–38]. Невыясненной, к сожалению, осталась и позиция председателя Совнаркома Бурят-Монгольской республики М.Н. Ербанова, роли которого в политической истории Бурятии было посвящено диссертационное исследование Г.Д. Басаева.

Несколько иной взгляд на конфликт в руководстве Бурят-Монгольского обкома предложил Б.Б. Батуев. Несмотря на то, что этот сюжет был затронут им лишь попутно, автор, тем не менее, зафиксировал два важных факта: наличие у членов группировки личных мотивов, заставлявших их выступить с обвинениями в адрес обкома, и выдвижение в ходе конфликта кандидатуры М.Н. Ербанова на пост нового секретаря областного комитета [16. С. 28]. Эти обстоятельства позволяют рассматривать раскол в Бурят-Монгольском обкоме как частный случай той борьбы «кланов», которая, по мнению ряда западных исследователей, развивалась среди партийно-советской элиты в 1920–1930-е гг. (см., например: [18–19]).

Но какие именно цели преследовали отдельные члены группы, какими методами они пытались этих целей достичь, кто и когда выдвигал кандидатуру М.Н. Ербанова и почему эта попытка потерпела неудачу – эти вопросы в отечественной историографии не просто не были решены, но до сих пор даже не ставились. Между тем, представляется, что без выявления истинных мотивов каждого из участников конфликта и анализа всего спектра применявшихся ими формальных и неформальных практик поведения невозможно установить ни подлинные причины, ни истинные масштабы его последствий.

Бурят-Монгольская автономная советская социалистическая республика была образована в соответствии с постановлением Президиума ВЦИК СССР от 30 мая 1923 г. путем объединения Монголо-Бурятской автономной области РСФСР и Бурят-Монгольской автономной области ДВР. Со времени создания АССР до начала 1925 г. численность проживавшего на её территории населения увеличилась с 349,8 тыс. до 455,0 тыс. человек [20. Л. 9; 21. С. 8].

Первые статистические сведения об объединенной Бурят-Монгольской партийной организации относятся к концу октября – началу ноября 1923 г. Тогда в Бурят-Монгольской АССР насчитывалось 98 партийных ячеек, в которых состояли 1238 человек [10. С. 124]. К январю 1925 г. количество ячеек выросло до 130, а общее число членов и кандидатов в члены РКП(б) – до 2108 человек [22. С. 3], что составило 0,4% населения республики. Численность состоявших в РКП(б) представителей коренного бурятского населения с ноября 1923 по январь 1925 г. увеличилась со 117 до 310 человек, или с 9,5 до 14,7% всей парторганизации [Там же. С. 6].

Для руководства созданной партийной организацией в соответствии с Уставом РКП(б) в конце августа 1923 г. было создано Бурят-Монгольское областное бюро РКП(б). Новый орган состоял из шести членов и двух кандидатов в члены. Секретарем облбюро был назначен член партии с апреля 1918 г. В.И. Трубачеев, ранее возглавлявший областной комитет РКП(б) в Монголо-Бурятской автономной области РСФСР.

Одной из важнейших задач областного бюро стала подготовка и проведение первой Бурят-Монгольской партийной конференции, которая состоялась 11–17 марта 1924 г. На заключительном заседании этого партийного форума вместо назначаемого сверху областного бюро был образованный формально избираемый снизу Бурят-Монгольский областной комитет РКП(б). Состоявшийся сразу после конференции первый пленум обкома партии для осуществления текущего руководства республикой избрал из числа своих членов постоянно действующий президиум в составе семи человек: секретаря обкома В.И. Трубачеева, заместителя председателя Бурят-Монгольского революционного комитета, члена партии с мая 1917 г. М.И. Амагаева, наркома внутренних дел республики, члена партии с июня 1917 г. М.Д. Бермана, председателя Бурят-Монгольского революционного комитета, члена партии с декабря 1917 г. М.Н. Ербанова, наркома труда республики, бывшего меньшевика И.В. Малозовского, заведующей агитпропотделом обкома, члена партии с января 1916 г. М.М. Сахьяновой и заведующего орготделом обкома, члена партии с марта 1917 г. А.Н. Широкова.

Все перечисленные, за исключением М.М. Сахьяновой, ранее являлись членами Бурятского областного бюро РКП(б) и за полгода его существования успели сработаться друг с другом. Наиболее доверительные отношения сложились, по всей видимости, между М.И. Амагаевым, М.Н. Ербановым и В.И. Трубачеевым, которые были знакомы еще со времени гражданской войны, в ходе которой все трое принимали активное участие в революционной работе на территории Бурятии. Таким образом, М.М. Сахьянова оказалась в составе президиума обкома единственным «новичком», которому нужно было знакомиться с положением дел и налаживать отношения с другими членами президиума.

В то же время из всего руководства Бурятской республики М.М. Сахьянова являлась самым старым и опытным членом партии. Она, как М.И. Амагаев, М.Н. Ербанов и В.И. Трубачеев, была родом из бурятской семьи и хорошо знала культуру и быт местного населения, но в отличие от своих товарищей первый опыт политической деятельности получила далеко за пределами Бурятии. Осенью 1915 г. в возрасте 19 лет М.М. Сахьяновна поступила вольнослушательницей на высшие женские курсы им. П.Ф. Лесгафта в Петрограде, где впервые познакомилась с революционно-настроенными студентами, вступила в РСДРП(б) и быстро втянулась в партийную работу. Летом 1917 г., уже будучи членом партии, М.М. Сахьянова была откомандирована из Петрограда в Иркутск, где в январе 1918 г. стала секретарем губкома партии. В Иркутске она вела работу по формированию первой бурятской группы РСДРП(б)–РКП(б), в которую наряду с ней вошли большевики Г.Г. Данчинов, М.Н. Ербанов, В.И. Трубачеев, И.В. Ченкиров и другие.

Однако совместная работа с коммунистами-бурятами оказалась тогда не продолжительной. В ноябре 1918 г. М.М. Сахьянова выехала во Владивосток, а в сентябре 1920 г. по линии Коминтерна была командирована в Китай, где находилась до весны 1921 г. С апреля 1921 г. она работала в Монголо-Тибетской секции Дальневосточного секретариата Коминтерна в Иркутске, пока в июне того же года не заболела туберкулезом легких. После продолжительного лечения в январе 1922 г. М.М. Сахьянова была направлена в коммунистический университет им. Я.М. Свердлова в Москве. В январе 1923 г. в связи с резким ухудшением состояния здоровья М.М. Сахьянова была вынуждена оставить учебу и вернуться в Бурятию. Здесь, в Верхнеудинске, она не менее года находилась в отпуске по болезни, от которой смогла оправиться лишь к весне 1924 г.

Знание местных особенностей, теоретическая подготовка на уровне коммунистического университета и наличие у М.М. Сахьяновой опыта практической работы, в том числе в должности секретаря губкома, способствовали тому, что после откомандирования В.И. Трубачеева в ноябре 1924 г. для обучения в Москву, именно она была рекомендована Централь-

ным комитетом РКП(б) на пост секретаря Бурятского обкома. Так, спустя всего полгода после возвращения к активной работе, М.М. Сахьянова возглавила Бурят-Монгольскую областную организацию РКП(б), а остальные члены президиума обкома – бывшие члены облбюро, руководившие Бурятией со дня основания республики – оказались в её подчинении. Эта расстановка сил являлась своего рода миной замедленного действия, угрожавшей взорваться в результате малейшего столкновения.

Роль такого детонатора сыграла предпринятая М.М. Сахьяновой в марте 1925 г. попытка ввести в состав областного комитета РКП(б) своего супруга – наркома земледелия Бурят-Монгольской АССР, члена областной контрольной комиссии А.И. Оширова. Последний был на четыре года моложе М.М. Сахьяновой и происходил из семьи зажиточного бурятского крестьянина. По сведениям, приведенным в автобиографии А.И. Оширова, датированной 26 октября 1923 г., во время Февральской революции 1917 г. он учился в седьмом классе промышленного училища в Иркутске. Зимой 1917/1918 г. из-за конфликта с преподавательским составом и администрацией этого учебного заведения А.И. Оширов был вынужден временно оставить учебу. Спустя несколько месяцев, весной 1918 г., он экстерном сдал выпускной экзамен, а осенью 1918 г. поступил в Томский технологический институт, где позднее, по его словам, примкнул к большевикам [23. Л. 6–7].

Других сведений о своей жизни и деятельности во время гражданской войны А.И. Оширов не приводил, настаивая на том, что на военной службе он никогда не состоял. Единственным официальным документом, позволяющим иначе оценить этот период его жизни, является анкета, собственноручно заполненная А.И. Ошировым 13 октября 1930 г. для Коммунистического университета трудящихся Востока. В ней на вопрос о службе в «войсках или учреждениях белых правительств» А.И. Оширов ответил, что весной 1919 г. в Томске около 10 дней служил «в армии Колчака» [24. Л. 1].

Не совпадает в источниках также информация о времени официального вступления А.И. Оширова в РКП(б). По одним данным, он был принят в партию в декабре 1919 г. [23. Л. 3 об.; 25. Л. 19 об.], по другим – в январе 1920 г. [23. Л. 5 об.; 26. Л. 5]. Но, так или иначе, с самого начала 1920-х гг. А.И. Оширов постоянно находился на партийно-советской работе: с января 1920 г. в должности председателя Курумчинского хошисполкома, с августа 1921 г. – председателя Селенгинского, а с мая 1923 г. – Эхирит-Булагатского айисполкома Советов, затем – заведующего земельным отделом исполкома Советов в Монголо-Бурятской автономной области РСФСР и, наконец, наркома земледелия Бурят-Монгольской республики. Столь быстрый карьерный рост А.И. Оширова был обусловлен в первую очередь острым недостатком партийных кадров из числа коренного населения. В этой ситуации наличие партийного билета, элементарная грамотность и политическая подготовка хотя бы на уровне марксистского кружка делали почти любого представителя национальных меньшинств в высшей степени востребованным работником.

Поэтому, когда в марте 1924 г. первая областная партийная конференция в соответствии с Уставом РКП(б) наряду с областным комитетом РКП(б) избирала также областную контрольную комиссию, А.И. Оширов оказался включен в вынесенный на голосование список. Однако в ходе обсуждения последнего кандидатура А.И. Оширова впервые вызвала серьезные разногласия. Некоторые делегаты конференции, включая супругу секретаря обкома В.И. Трубачеева – члена ЦИК Бурятской АССР В.А. Трубачееву, высказались против, указывая на его непролетарское происхождение и непродолжительный партийный стаж. Тогда, в условиях дефицита национальных партийных кадров, эти аргументы не помешали А.И. Оширову быть избранным членом контрольной комиссии. Но всего год спустя его положение заметно изменилось. Когда накануне второй областной конференции, намеченной на 10–15 марта 1925 г., фамилия А.И. Оширова была включена в список кандидатов на избрание в члены обкома, его воспринимали уже не столько как сына кулака, сколько как мужа секретаря обкома.

Изучение персонального состава партийных и советских органов Бурят-Монгольской АССР середины 1920-х годов позволяет утверждать, что на самом деле избрание на руководящие должности друзей и родственников ответственных работников было обычной практикой. Это объяснялось как патриархальной традицией, так и малочисленностью элементарно и политически грамотных кадров, особенно из числа бурятского населения. Более того, областные и/или краевые комитеты РКП(б) всегда состояли из секретарей нижестоящих партийных организаций, а также руководителей наиболее важных советских и хозяйственных органов соответствующего уровня. Поэтому предложение избрать в состав Бурят-Монгольского обкома партии наркома земледелия республики выглядело вполне закономерным.

Однако стремление М.М. Сахьяновой сделать А.И. Оширова членом областного комитета, по всей вероятности, было расценено некоторыми представителями партийно-советского руководства Бурят-Монгольской АССР как попытка укрепления политических позиций в противовес более «старым» членам обкома. Стремясь не допустить этого, ответственные работники, исключительно буряты по национальности, заговорили о необходимость отвода кандидатуры А.И. Оширова. В первый день работы областной партийной конференции председатель Совнаркома Бурят-Монгольской республики М.Н. Ербанов сообщил об этих разговорах М.М. Сахьяновой и предложил ей переговорить с выражавшими недовольство коммунистами, а также с другими работниками-бурятами в неформальной обстановке.

С согласия М.М. Сахьяновой на квартире М.Н. Ербанова собрались 20 человек, среди которых был лишь один русский – заведующий орготделом областного комитета А.Н. Широков, на присутствии которого секретарь обкома настояла лично. Совещание носило неформальный характер, поэтому в ходе него не велось ни стенограммы, ни протокола, позволивших бы получить достоверную информацию о

том, что и как обсуждали его участники на самом деле. Согласно более поздним свидетельствам, с резкой критикой А.И. Оширова выступили председатель Тункинского айисполкома Советов Е.Н. Абашеев, только что прибывший в Верхнеудинск бывший представитель Бурят-Монгольской республики при Президиуме ВЦИК М.Е. Атанов, секретарь Аларского айкома РКП(б) Д.Д. Доржиев, редактор «Бурят-Монгольской правды» на бурятском языке Д.М. Иванов, преподаватель Бурятской совпартшколы К.П. Кушенов, секретарь Агинского айкома РКП(б) Е.И. Лосов, секретарь Тункинского айкома РКП(б) П.А. Сыренов[1]. Они обвинили А.И. Оширова уже не только в непролетарском происхождении, но и в том, что весной 1918 г. он якобы лично возглавлял «контрреволюционный отряд», преследовавший отступавших красногвардейцев. По итогам обсуждения 15 из 20 присутствовавших выступили против избрания А.И. Оширова в состав обкома, а также за отстранение его от какой бы то ни было партийной работы [27. Л. 31–32, 200–202]. М.Н. Ербанов, М.М. Сахьянова и А.Н. Широков выразили несогласие с такой позицией, но на обсуждение президиума Буробкома вопрос решили всё же не выносить.

Не вызывает сомнений, что М.М. Сахьянова, по свидетельству очевидцев сильно потрясенная произошедшим [Там же. Л. 32], сообщила о произошедшем супругу. По её собственному признанию, сделанному на заседании президиума обкома несколько месяцев спустя, в первое время после совещания она склонялась к тому, чтобы пойти на уступки [28. Л. 75]. 12 марта 1925 г. А.И. Оширов подал в президиум Бурятского обкома РКП(б) официальное заявление с категорическим отказам выставлять свою кандидатуру в выборные партийные органы: как в обком, так и в контрольную комиссию [Там же. Л. 92]. Однако так называемый сеньорен-конвент второй Бурятской областной конференции РКП(б) – собрание около 40 представителей присутствовавших на партийном форуме делегаций, уполномоченное разрешать организационные вопросы, – тем не менее, оставило фамилию А.И. Оширова в списке кандидатов на избрание в члены обкома. По непонятным причинам буряты, накануне резко протестовавшие против его кандидатуры, не стали отстаивать свою позицию на сеньорен-конвенте. На состоявшемся 15 марта заключительном заседании областной конференции РКП(б) согласованный сеньорен-конвентом список членов и кандидатов в члены обкома был утвержден большинством голосов всего при четырех или пяти воздержавшихся [27. Л. 204; 29. Л. 150–151]. В результате А.И. Оширов был избран членом Бурят-Монгольского областного комитета РКП(б), а разногласия среди партийного руководства республики переросли в настоящий конфликт.

Спустя несколько дней после завершения областной конференции РКП(б), 20 марта 1925 г., недовольные избранием А.И. Оширова коммунисты встретились на квартире Д.М. Иванова. В собрании приняли участие избранные второй областной конференцией РКП(б) члены Бурят-Монгольского обкома М.Н. Ербанов, Е.И. Лосов, П.А. Сыренов и К.Х. Шантанов, кандидат в члены обкома Д.М. Убугунов, члены областной контрольной комиссии М.Е. Атанов и К.П. Кушенов, бывший председатель Тункинского айисполкома Советов Е.Н. Абашеев[2], студент Иркутского рабфака И. Косаков и еще четыре человека, фамилии которых установить не удалось. На этот раз собрание проходило не просто в более узком кругу, но и в глубокой тайне от остальных членов обкома.

В ходе разговора М.Н. Ербанов согласился с доводами присутствовавших о наличии карьеристских наклонностей у А.И. Оширова, однако высказался за его членство в составе обкома. Сохранившиеся источники не дают однозначного ответа на вопрос о причинах, по которым М.Н. Ербанов занял такую позицию. Хотя можно предположить, что попытка защитить А.И. Оширова была вызвана исключительно деловыми соображениями. Исключение последнего из членов областного комитета вероятнее всего сказалось бы на его работе в качестве наркома земледелия Бурят-Монгольской АССР, что, конечно, было невыгодно возглавлявшему Совнарком республики М.Н. Ербанову.

В то же время именно М.Н. Ербанов был одним из тех «старых» членов обкома, которые весьма ревностно отнеслись к назначению М.М. Сахьяновой на должность секретаря. Проработав на протяжении нескольких лет под руководством В.И. Трубачеева, он считал себя гораздо более опытным партийным работником и, вероятно, никак не мог смириться с тем, что ЦК сделал выбор не в его пользу. Поэтому, вступившись за А.И. Оширова, М.Н. Ербанов предложил разрешить конфликт другим способом: путем замены действовавшего секретаря обкома на более твердого, самостоятельного и авторитетного человека, каким, с его точки зрения, являлся он сам.

Как отреагировали на это предложение остальные 12 участников совещания доподлинно не известно. Однако на следующий день, 21 марта 1925 г., они составили письмо, адресованное только что избранному второй областной конференцией члену Бурятского обкома РКП(б), коммунисту с января 1920 г. И.С. Архинчееву [27. Л. 28–34]. Обращение было составлено в письменной форме не случайно. Еще осенью 1923 г., почти сразу после создания Бурят-Монгольской республики, И.С. Архинчеев был назначен ответственным секретарем Бурят-Монгольского представительства при Наркомате по делам национальностей РСФСР, а в феврале 1924 г. избран членом Центрального исполнительного комитета Советов СССР. После ликвидации Наркомнаца в августе 1924 г. И.С. Архинчеев, как член ЦИК СССР и слушатель курсов марксизма при Коммунистической академии, продолжал оставаться в Москве и потому в состав Бурятского обкома был избран заочно.

В письме на его имя коммунисты-буряты выразили негодование по поводу избрания А.И. Оширова в обком, рассказали о своих неформальных совещаниях и сообщили о выдвижении М.Н. Ербановым своей кандидатуры на пост секретаря обкома. Вместе с тем, рассчитывая заручиться поддержкой адресата, авторы заявили о своей готовности настаивать на том, чтобы Бурятскую партийную организацию возглавил не

М.Н. Ербанов, а И.С. Архинчеев. Письмо носило неофициальный характер и было составлено в тайне от М.М. Сахьяновой, в конце марта 1925 г. выехавшей в Новониколаевск для участия в заседании пленума Сибирского краевого комитета РКП(б). Доставить документ в Москву, судя по косвенным признакам, было поручено К.П. Кушенову.

И.С. Архинчеев был явно польщен сделанным предложением и поспешил активно включиться в борьбу за власть. С этой целью он немедленно ознакомил с содержанием письма еще трех коммунистов-бурят, находившихся в то время в столице: Ф.И. Павлова, Г.В. Уданова и И.В. Ченкирова. По согласованию с ними и при участии К.П. Кушенова И.С. Архинчеев написал пространный ответ, в котором тщательно проанализировал разгоревшийся среди партийного руководства Бурятии конфликт. Подробный пересказ и обилие цитат из письма 12 бурятских работников позволяют утверждать, что И.С. Архинчеев изначально задумал этот ответ не как конфиденциальное товарищеское письмо, а как документ, ориентированный на более широкую аудиторию, не имевшую никакого представления о разгоревшимся в Бурятии конфликте. Он не только еще раз реконструировал хронологию событий, но и снабдил их выгодными для себя интерпретациями. Так, попытка М.Н. Ербанова выдвинуть свою кандидатуру на пост секретаря обкома была буквально высмеяна И.С. Архинчеевым как совершенно абсурдная. Уничижительные реплики в адрес «ербановской логики» явно были направлены на дискредитацию её обладателя. С этой же целью И.С. Архинчеев голословно, но настойчиво утверждал, что А.И. Оширов – выходец из «активно замешанной в колчаковской контрреволюции» семьи – «всей своей изумительно проделанной карьерой обязан тов. Ербанову больше, чем кому бы то ни было другому» [Там же. Л. 130]. Скомпрометировав таким образом своего главного конкурента, И.С. Архинчеев попытался продемонстрировать свое отрицательное отношение к идее смещения М.М. Сахьяновой, что, конечно, не соответствовало истине. Об этом свидетельствует двукратная (следовательно – не случайная) ссылка на позицию группы бурятских ответственных работников, предложивших ему возглавить обком. Очень характерно, что самовыдвижение М.Н. Ербанова И.С. Архинчеев квалифицировал как не серьезное и противоречившее логике, а выставление своей собственной кандидатуры на тот же пост – всего лишь как «преждевременное» [Там же. Л. 129].

Все эти литературные и дипломатические приемы были рассчитаны, конечно, не на бурятских работников. Несмотря на непродолжительный партийный стаж, И.С. Архинчеев хорошо понимал, что кадровые вопросы такого уровня решались не в провинции, а в Москве. Поэтому копию своего письма, подписанного также Ф.И. Павловым, Г.В. Удановым, И.В. Ченкировым и К.П. Кушеновым, он незамедлительно направил в Центральный комитет РКП(б). В сопроводительной записке И.С. Архинчеев объяснял свой поступок партийным долгом и просил ЦК о «срочном и внимательном изучении вопроса» [Там же. Л. 124].

О том, что информация о возникшем конфликте вышла за пределы Бурятии, М.М. Сахьянова узнала только после возвращения из Новониколаевска в Верхнеудинск. Члены обкома М.Н. Ербанов и М.И. Амагаев в частном разговоре, состоявшемся 7 или 8 апреля 1925 г., сообщили ей о том, что большинство ответственных работников из числа бурят не признают её авторитет, после чего поставили вопрос о смене секретаря. Тремя месяцами позднее М.М. Сахьянова описывала продолжение этой беседы следующим образом: «В конце концов т. Ербанов предложил (по его собственному определению) „азиатскую“ тактику: „Тебе нужно заболеть“. Я этого ожидала и поэтому спокойно ответила: „К сожалению, состояние моего здоровья в данный момент таково, что при всем своем желании, очевидно, заболеть мне не возможно“» [Там же. Л. 205].

Необходимость как можно скорее пресечь попытки смены секретаря обкома вынудила М.М. Сахьянову пойти на компромисс. 11 апреля вопрос об А.И. Оширове был поставлен в повестку закрытого заседания президиума областного комитета. Кроме М.М. Сахьяновой и М.Н. Ербанова, на нем присутствовали новый заведующий организационно-распределительным отделом обкома П.А. Беляев, заведующий агитпропотделом М.Б. Дворкин, начальник областного отдела ОГПУ В.А. Абрамов, председатель Бурятского кооперативного союза К.С. Ильин и назначенный председателем Бурятской контрольной комиссии А.Н. Широков. Итогом обсуждения стало решение об откомандировании А.И. Оширова в распоряжение ЦК РКП(б) [29. Л. 106]. Вскоре А.И. Оширов выехал в Москву, где уже с 15 мая 1925 г. приступил к работе в качестве сотрудника исполнительного комитета Коминтерна [26. Л. 6 об.].

Однако ликвидировать таким образом конфликт среди руководства Бурятской организации оказалось невозможно. В первую очередь благодаря интригам И.С. Архинчеева, который, оставаясь в Москве, вел двойную игру. Так, 12 апреля в письме к М.И. Амагаеву он обвинял М.Н. Ербанова в глупости и называл «маятником», который «всегда шатался» [28. Л. 91], а всего неделю спустя, 20 апреля, уже обращался к самому М.Н. Ербанову, характеризуя его как настоящего большевика-ленинца, имевшего неисчислимые заслуги перед бурятским народом [Там же. Л. 83]. Не скупясь на комплименты, И.С. Архинчеев убеждал М.Н. Ербанова в том, что лучшим способом разрешения конфликта считает «стабилизацию» его в Бурят-Монгольской республике и откомандирование М.М. Сахьяновой в ЦК РКП(б). О последней И.С. Архинчеев писал: «<…> из того, что она уедет, ни республика и ни она сама ничего не потеряют <…>, она (т. Сахьянова), может быть, весьма достойная партийка, но в дирижеры не годится» [Там же. Л. 84]. Содержание письма дает веские основания полагать, что И.С. Архинчеев целенаправленно пытался спровоцировать адресата на открытое выступление против М.М. Сахьяновой. В случае, если бы эта интрига удалась, должность секретаря обкома оказалась бы вакантной, а М.Н. Ербанов, заблаговременно дискредитированный И.С. Архинчеевым как перед членами обкома, так и перед ЦК РКП(б), не имел бы возможности занять этот пост.

Но всего через пару недель ситуация внезапно изменилась. В начале мая 1925 г. И.С. Архинчеев был вызван в ЦК РКП(б) по поводу составленного им коллективного ответа на письмо 12 бурятских работников. Судя по всему, там ему напомнили, что попытка смещения секретаря обкома снизу является грубым нарушением Устава РКП(б), а также противоречит всем писанным и неписанным партийным нормам.

В сложившейся ситуации главной задачей для И.С. Архинчеева стало сохранение собственных позиций. Не получив поддержки ни со стороны ЦК, ни со стороны М.И. Амагаева, в середине апреля откомандированного на работу в Монголию, он был вынужден искать союза с М.Н. Ербановым, в котором совсем недавно видел своего главного конкурента. 7 и 16 мая И.С. Архинчеев отправил ему еще два письма. В первом он восхищался гибкостью ума, «товарищеской сердечностью» и политической честностью М.Н. Ербанова, выражал свое уважение и предлагал «договориться» [27. 158–158 об.; 28. Л. 87–87 об.]. Второе письмо было написано в разгар проходившего в Москве III Всесоюзного съезда Советов, по окончании которого истекал срок полномочий И.С. Архинчеева в качестве члена ЦИК СССР. Опасаясь возвращаться в Верхнеудинск после неудачной попытки сместить М.М. Сахьянову с должности и в то же время не желая оставаться в Москве без средств к существованию, он просил М.Н. Ербанова о назначении его представителем Бурят-Монгольской республики при Президиуме ВЦИК [28. Л. 88].

Несмотря на все предпринятые усилия, новая линия поведения И.С. Архинчеева не оправдала себя. К тому времени, когда М.Н. Ербанов получил письма от 20 апреля, 7 и 16 мая, он уже был знаком с текстом, копию которого в конце марта И.С. Архинчеев послал в ЦК РКП(б). Обнаружив колоссальную разницу в оценках своей личности, М.Н. Ербанов, воздержался от ответа И.С. Архинчееву и передал все материалы сначала А.Н. Широкову, а затем М.М. Сахьяновой [31. Л. 39]. И тем не менее наличие частных писем, в которых в обход обкома обсуждались важнейшие кадровые вопросы, никак не способствовало нормализации отношений среди партийно-советского руководства республики.

Противостояние в областном комитете усиливалось также благодаря теоретическим расхождениям, наиболее ярко проявившихся во время состоявшегося 21–25 мая 1925 г. второго пленума Бурят-Монгольского обкома РКП(б). Главным предметом обсуждения стал так называемый «ламский вопрос». Первым по нему выступил М.Н. Ербанов, доказывавший, что распространение ламаизма в Бурятии являлось «продуктом скотоводческого пастбищного хозяйства и родового феодального строя» [32. Л. 44]. Иную точку зрения озвучила М.М. Сахьянова, которая утверждала, что на основе пастбищного скотоводства в Бурятии вполне могла «сохраниться старая шаманская религиозная культура». Важнейшим фактором, благодаря которому на территории республики оказался распространен именно ламаизм, по её мнению, было влияние «китайского торгового капитала», проникнувшего в Бурятию «через культурно и исторически родственную ей Монголию» [Там же. Л. 42].

Позицию М.М. Сахьяновой активно поддержали заведующий агитпропом М.Б. Дворкин и нарком юстиции республики Г.Г. Данчинов. Резко против выступили секретарь Агинского айкома РКП(б) Е.И. Лосов и председатель Бурятского совета профсоюзов М.М. Пилунов. По итогам открытого голосования за тезисы М.Н. Ербанова проголосовало 10 человек, за тезисы М.М. Сахьяновой – только семь [Там же. Л. 44]. Такой результат стал поводом для слухов о политической слабости секретаря обкома. А члены группы, прежде осуждавшие М.М. Сахьянову за поддержку А.И. Оширова, нашли тем самым новый повод для критики в её адрес.

Опасаясь еще большего ослабления своих позиций, М.М. Сахьянова приняла решение вынести вопрос на обсуждение президиума Бурят-Монгольского обкома РКП(б). Закрытое заседание состоялось 31 мая 1925 г. Наряду с членами президиума обкома М.М. Сахьяновой, П.А. Беляевым, М.Б. Дворкиным, М.Н. Ербановым, И.А. Ильиным и К.С. Ильиным присутствовали члены областной контрольной комиссии А.Н. Широков, М.Е. Атанов, Н.И. Бондаренко, Г.Г. Данчинов и Я.Ф. Очковский, члены обкома М.А. Беляев, Д.Д. Доржиев, А.Г. Казак, Е.И. Лосов, К.Х. Шантанов и Д.М. Убуганов, а также ответственные работники Башаров, Д.М. Иванов, В.А. Кригер и Шиманкевич [28. Л. 55–78]. М.М. Сахьянова сообщила о неофициальных собраниях, на которых обсуждался вопрос о секретаре обкома, а также о переписке бурятских ответственных работников с московскими товарищами, квалифицировав такое поведение как «обсуждение партийных вопросов в непартийном порядке». На стороне М.М. Сахьяновой активно выступили заведующий орготделом обкома П.А. Беляев, заведующий агитпропотделом М.Б. Дворкин и председатель контрольной комиссии А.Н. Широков. Последний, кроме того, заявил, что, по его убеждению, А.И. Оширов был «использован группировкой как предлог для наступления на обком» [Там же. Л. 62]. И.А. Ильин и Я.Ф. Очковский также осудили попытку смещения М.М. Сахьяновой с должности. Е.И. Лосов и К.Х. Шантанов, напротив, резко критиковали её как секретаря обкома, заявив, что считают более целесообразным избрание на эту должность М.Н. Ербанова [Там же. Л. 58–59].

Сам М.Н. Ербанов во время заседания президиума проявил максимум осторожности. Главным мотивом его выступления стало признание ошибок. Именно так он квалифицировал включение сеньорен-конвентом фамилии А.И. Оширова в список для голосования без предварительного объяснения с протестовавшими против этого ответственными работниками, письмо 12 коммунистов-бурят на имя И.С. Архинчеева, отправку копии ответного письма в ЦК РКП(б) и, в конце концов, выдвижение своей собственной кандидатуры на пост секретаря обкома в ходе частной беседы. В то же время М.Н. Ербанов настаивал на том, что высказывавшиеся против А.И. Оширова и М.М. Сахьяновой коммунисты не претендовали на руководящую роль в обкоме, и предлагал разрешить конфликт «в порядке договоренности, в порядке взаимного понимания, но не по пути расследования, раз-

решения в Сиб[ирской] к[контрольной] к[омиссии] и т.д.» [Там же. Л. 68].

Попытка М.Н. Ербанова примирить враждующие стороны была обречена на неудачу. Отношения между М.М. Сахьяновой, нашедшей поддержку со стороны русских членов президиума, и недовольными ею ответственными работниками из числа бурят были настолько испорчены, что каких-либо договоренности были уже невозможны. По итогам заседания президиум обкома постановил «товарищей, обсуждавших партийные вопросы помимо и без ведома партийных органов и выносивших по ним постановления, считать организованной группой» [Там же. Л. 92 а]. В неё, согласно постановлению, входили 13 человек: И.С. Архинчеев, М.Е. Атанов, Д.М. Иванов, И. Косаков, К.П. Кушенов, Е.И. Лосов, Ф.И. Павлов, М.М. Пилунов, П.А. Сыренов, Д.М. Убуганов, Г.В. Уданов, К.Х. Шантанов, И.В. Ченкиров. Дальнейшее существование этой группы категорически запрещалось под угрозой исключения из рядов РКП(б), а дело передавалось в Сибирскую контрольную комиссию. Д.М. Иванова и Е.И. Лосова, как наиболее активных членов группы, было решено снять с работы и откомандировать в распоряжение Сибирского краевого комитета РКП(б). В отношении И.С. Архинчеева президиум обкома планировал «просить ЦК не посылать его на работу в Бурреспублику, а здесь предложить к[ом]ф[ракциям] ЦИК и Совнаркома [Бурят-Монгольской АССР] не назначать его в представительство Бурреспублики в Москве».

Передача дела на рассмотрение в Сибирскую контрольную комиссию, как и принятие организационных мер в отношении отдельных членов группы, были восприняты М.Н. Ербановым весьма болезненно. Во-первых, потому что президиум обкома не прислушался к его мнению, которое М.Н. Ербанов всегда считал достаточно авторитетным. Во-вторых, для него, тесно связанного с членами группы и претендовавшего на роль нового секретаря обкома, расследование дела в вышестоящих инстанциях несло прямую угрозу. Выражая свое несогласие с позицией президиума и одновременно пытаясь предотвратить нежелательные для себя последствия, М.Н. Ербанов подал заявление об откомандировании его в Москву. 2 июня 1925 г. президиум Бурят-Монгольского обкома рассмотрел поступившее ходатайство и постановил «категорически возражать» [33. Л. 79]. Не получив таким образом разрешения оставить занимаемые должности, уже на следующий день М.Н. Ербанов, тем не менее, выехал из Верхнеудинска, официально оформив свой отъезд как ежегодный двухмесячный отпуск [31. Л. 41].

Вторым человеком, выразившим резкое неприятие постановления президиума Бурят-Монгольского обкома от 31 мая 1925 г., стал М.М. Пилунов. 6 июля в письменной форме он попытался оспорить свое участие в группировке. В заявлении, поданном в президиум обкома, М.М. Пилунов справедливо напоминал, что под письмом группы ответственных работников на имя И.С. Архинчеева он не подписывался и вплоть до второго пленума обкома, на котором обсуждался «ламский вопрос», ни против А.И. Оширова, ни против М.М. Сахьяновой не выступал.

Параллельно с президиумом обкома РКП(б) в сущности разразившегося среди бурятского руководства конфликта начала разбираться Центральная контрольная комиссия РКП(б). 29 мая 1925 г. она запросила у Бурят-Монгольского обкома характеристику на А.И. Оширова, однако своевременного ответа не получила [34. Л. 77–78]. Посчитав имевшуюся информацию недостаточной, 29 июня 1925 г. ЦКК РКП(б) поручила одному из своих членов – большевику с 1904 г. М.К. Муранову – по пути на Дальний Восток лично «ознакомиться с положением дела в Бурят-Монгольской организации» [27. Л. 40].

М.К. Муранов прибыл в Верхнеудинск в июле 1925 г. Здесь он изучил текущую документацию Бурят-Монгольского обкома и областной контрольной комиссии, лично побеседовал с рядом ответственных работников, а также выяснил, что со времени создания Бурят-Монгольской АССР никаких заявлений или других документов, компрометировавших А.И. Оширова, в облКК не поступало [Там же. Л. 100].

Доклад М.К. Муранова «о результатах ознакомления с состоянием Бурят-Монгольской организации» был заслушан 18 июля 1925 г. на специально для этого созванном совещании ответственных работников при обкоме РКП(б). Докладчик признал состояние парторганизации благополучным и сообщил, что, по его мнению, каких-либо реальных оснований для конфликта им обнаружено не было. Собрание постановило считать создавшуюся группировку «носящей субъективный характер, построенный на личных симпатиях и антипатиях отдельных работников» [35. Л. 62]. Решение президиума обкома от 31 мая об откомандировании Д.М. Иванова и Е.И. Лосова в Новониколаевск было оставлено в силе, хотя М.К. Муранов вынес строгое предписание впредь такие вопросы в обязательном порядке согласовывать с вышестоящим партийным органом – Сибкрайкомом РКП(б). Кроме того, совещание постановило применить меры в отношении еще двух участников группы: М.Е. Атанова – исключить из состава облКК с запретом членства в аналогичных органах в течение двух лет, К.П. Кушенову – поставить на вид.

Завершив обследование, М.К. Муранов выехал в Читу, где должен был провести аналогичную проверку Забайкальской губернской организации. Оттуда 28 июля он направил в президиум ЦКК РКП(б) небольшой отчет о проделанной в Верхнеудинске работе. В нем говорилось о том, что главным вдохновителем группировки, которая ставила своей ближайшей целью «вышибить Оширова и Сахъянову», был И.С. Архинчеев. Далее М.К. Муранов сообщал: «Официально об Оширове в облКК никто вопросов раньше не ставил, никаких заявлений об отводе или исключении из партии нет и в помине, и ставится [этот вопрос] только теперь. Между тем, в организации принимавших то или иное участие [в гражданской войне] на стороне [«]белых[»] есть изрядное количество, что устанавливается и личными делами и партпроверкой, и никто не настаивает на исключении их из рядов партии». Считая таким образом выдвинутых в отношении А.И. Оширова обвинения субъективными, М.К. Муранов, тем не менее, доложил, что проверкой их обоснованности занимает-

ся председатель Сибирской контрольной комиссии Н.П. Растопчин. В случае, если последнему не удастся обнаружить новые доказательства вины А.И. Оширова, М.К. Муранов предложил считать вопрос исчерпанным [27. Л. 185–188].

Положительное заключение М.К. Муранова о состоянии Бурят-Монгольской партийной организации, позитивная оценка деятельности обкома и организационные меры в отношении наиболее активных участников группировки должны были ликвидировать конфликт и нормализовать работу обкома. Но на практике произошло противоположное: несогласные с выводами М.К. Муранова поспешили оспорить их, пока ЦКК еще не вынесла официального постановления.

Наиболее активно в этом отношении повел себя М.Н. Ербанов. По окончании отпуска, 3 августа 1925 г., вместо того, чтобы сразу вернуться в Верхнеудинск, он остановился в Москве. Узнав о результатах проведенного М.К. Мурановым обследования, 12 августа М.Н. Ербанов обратился в Центральный комитет РКП(б) и лично к Генеральному секретарю ЦК И.В. Сталину. В конфиденциальном письме он в очередной раз признал, что обсуждение группой ответственных работников партийных вопросов в обход обкома было серьезной ошибкой, за которую «следует, очевидно, призвать к порядку» [31. Л. 41–42]. В то же время М.Н. Ербанов утверждал: «При секретарстве т. Сахьяновой создавшиеся обостренные отношения между отдельными работниками не будут изживаться, а наоборот, будут обостряться и углубляться, что отразится вредно на практической работе как по линии партийной, так и советской». По его мнению, единственным способом разрешить конфликт, могло стать лишь полное обновление руководящей верхушки обкома за счет снятия с работы одновременно М.М. Сахьяновой, П.А. Беляева и М.Б. Дворкина. В новой обстановке М.Н. Ербанов воздержался от выставления собственной кандидатуры. Теперь он предложил снова назначить на эту должность обучавшегося в Институте красной профессуры В.И. Трубачеева, либо, если ЦК сочтет это невозможным, прислать из Москвы «русского товарища», который «не замешан в склоке».

Кроме того, М.Н. Ербанов настаивал на необходимости отменить решение об откомандировании Д.М. Иванова и Е.И. Лосова, а также «обязательно возвратить» в Верхнеудинск И.С. Архинчеева. Защищая таким образом участников группировки, М.Н. Ербанов рассчитывал на формирование собственной команды из числа коммунистов-бурят и, как следствие, на укрепление своих позиций в качестве члена обкома, председателя Совнаркома и председателя ЦИК Бурят-Монгольской АССР.

Все выше перечисленные предложения М.Н. Ербанова были мало похожи на просьбы ответственного работника, обращавшегося в вышестоящую партийную инстанцию. Заключительная же часть письма носила неприкрыто ультимативный характер: «Если вопрос об обновлении аппарата [обкома] будет разрешен отрицательно, я решительно и в самой категорической форме отказываюсь от дальнейшей работы в Бурреспублике и прошу меня немедленно откомандировать в распоряжение ЦК. Причем убедительно прошу дать мне возможность поступить на курсы марксизма при комакадемии» [31. Л. 42–42 об.].

В конце августа – начале сентября 1925 г. в ЦК и ЦКК РКП(б) обратились Е.И. Лосов и И.С. Архинчеев. Первый в заявлении, датированном 29 августа, утверждал: «Обвинение меня в националистической группировке исключительно построено на личных моментах, вследствие уязвленного самолюбия т. Сахьяновой моим выступлением против Оширова, являющегося её мужем» [27. Л. 167 об.]. На этом основании Е.И. Лосов категорически отрицал выдвинутые против него обвинения и просил отменить решение Бурятского обкома о его откомандировании в Новониколаевск.

И.С. Архинчеев в отличие от своих товарищей составил два обращения: одно – 8 сентября на имя М.К. Муранова [Там же. Л. 176–177], второе – 9 сентября в ЦКК РКП(б) [Там же. Л. 113–114]. В этих письмах он решительно отвергал обвинения в карьеризме и оспаривал вывод М.К. Муранова о субъективном характере «бурятского внутрипартийного инцидента». По мнению И.С. Архинчеева, объективным фактором, способствовавшим расколу среди руководства республики, являлось сохранение пережитков «авторитарно-родового общественного строя». Снимая тем самым ответственность за произошедшее с отдельных членов группы и, в первую очередь, с себя лично, И.С. Архинчеев выразил солидарность со всеми изложенными М.Н. Ербановым 12 августа практическими предложениями.

Формально самостоятельные ходатайства М.Н. Ербанова, Е.И. Лосова и И.С. Архинчеева на самом деле преследовали одну общую цель – повлиять на решение, которое ЦКК должна была вынести по вопросу о состоянии Бурят-Монгольской организации. Однако обсуждение последнего неоднократно откладывалось по причине затянувшейся командировки М.К. Муранова на Дальний Восток.

Только 25 сентября 1925 г. ЦКК РКП(б), наконец, заслушала доклад М.К. Муранова, но окончательного решения не приняла. Конфликт оказался настолько сложным, что его изучение было поручено специально созданной комиссии в составе членов ЦКК М.К. Муранова, Я.Х. Петерса и А.А. Сольца [Там же. Л. 50]. Таким образом, разногласия по-прежнему оставались не преодолены, а политические оппоненты М.М. Сахьяновой получили дополнительное время для того, чтобы изменить ситуацию в свою пользу.

На этот раз в роли главного интригана выступил уже не И.С. Архинчеев, а формально не принадлежавший к группировке М.Н. Ербанов. Не желая ни при каких условиях работать под руководством М.М. Сахьяновой, он продолжал искать такую кандидатуру на пост секретаря, которая гарантированно была бы поддержана Центральным комитетом. 29 сентября 1925 г. М.Н. Ербанов обратился к сотрудникам аппарата ЦК РКП(б) А.К. Азизяну и М.М. Хатаевичу с письмом, основная суть которого сводилась к следующему предложению: «Если ЦК не согласится на возвращение т. Трубачеева, я считал [бы] для нас весьма приемлемым и желательным кандидатуру тов. [Ш.Н.] Ибрагимова» [Там же. Л. 81–81 об.]. Послед-

ний был татарином по национальности, членом партии с 1915 г., работавшим к тому времени в должности инструктора ЦК РКП(б). Для большей уверенности в успехе в тот же день М.Н. Ербанов составил письмо на имя самого Ш.Н. Ибрагимова, в котором предупреждал о выдвинутом предложении и старательно уговаривал его приехать «в глухую отсталую Бурятию» не более чем на год или полтора: «У тебя колоссальный опыт в прошлом, ты для нас будешь незаменимым руководителем, помощником-ленин-цем» [27. Л. 82–82 об.].

О дальнейших планах М.Н. Ербанов не писал. Однако то, как развивался конфликт с конца марта 1925 г., позволяет предполагать, что заведомо временное назначение на пост секретаря Бурят-Монгольского обкома Ш.Н. Ибрагимова, которого М.Н. Ербанов хорошо знал лично, было не более чем тактическим отступлением. В случае, если бы такое назначение состоялось, М.Н. Ербанов имел бы все шансы возглавить Бурят-Монгольскую партийную организацию после Ш.Н. Ибрагимова и по его рекомендации.

Созданная 25 сентября 1925 г. комиссия при ЦКК РКП(б) завершила работу в течение пяти дней. 1 октября при участии председателя СибКК Н.П. Растопчина она постановила «считать, что конфликт в верхушке парторганизации Бурят-Монгольской республики не имел никакой принципиально-политической почвы и возник исключительно в результате ненормальных личных взаимоотношений» [Там же. Л. 47–48]. Поведение секретаря обкома М.М. Сахьяновой в ходе этого столкновения комиссия признала правильным, а в действиях А.И. Оширова «ничего компрометирующего его как члена РКП(б)» не обнаружила. В отношении выступавших против них коммунистов-бурят комиссия постановила применить различные виды партийных взысканий: М.Н. Ербанову – «поставить на вид партийно-невыдержанное поведение его во время конфликта»; И.С. Архинчееву – «объявить строгий выговор за участие в организации группировки и партневыдержанность»; М.Е. Атанову, Д.М. Иванову, И. Косакову, К.П. Кушенову, Е.И. Лосову, Ф.И. Павлову, П.А. Сыренову, Д.М. Убуганову, Г.В. Уданову, К.Х. Шантанову, И.В. Ченкирову – «объявить выговор за непартийный поступок, выразившийся в попытке разрешения партийных вопросов непартийным путем». Кроме того, комиссия поддержала решение президиума Бурят-Монгольского обкома от 31 мая просить ЦК РКП(б) не посылать И.С. Архинчеева в республику, а также еще раз подтвердила необходимость откомандирования Д.М. Иванова и Е.И. Лосова из Бурятии и исключения М.Е. Атанова из состава областной контрольной комиссии.

Таким образом, решение комиссии при ЦКК РКП(б) отличалось от ранее вынесенных по этому вопросу постановлений только в двух отношениях. Во-первых, в составе группировки не был упомянут М.М. Пилунов. По всей видимости, этим он был обязан своему заявлению в президиум обкома от 6 июня 1925 г. Во-вторых, впервые за все время конфликта был поставлен вопрос о партийном поведении М.Н. Ербанова, до этого совершенно безнаказанно предпринимавшего попытки сместить М.М. Сахьянову с должности.

Постановление комиссии было утверждено 12 октября 1925 г. президиумом ЦКК РКП(б), а 23 октября – Оргбюро ЦК РКП(б) [27. Л. 3, 38, 39]. При этом названные органы внесли в документ две, на первый взгляд редакционные, а на самом деле существенные правки. Так исходная формулировка «т. Ербанову поставить на вид партийно-невыдержанное поведение его во время конфликта» была продолжена словами «выразившееся в участии его в местной группировке». М.Е. Атанову, Д.М. Иванову и остальным девяти коммунистам-бурятам вместо «выговора за непартийный поступок» был объявлен выговор «за участие в склоке» [Там же. Л. 4–5].

Новая квалификация действий М.Н. Ербанова не только позволяет иначе интерпретировать его роль в описанном конфликте, но и более объективно подойти к оценке его личности в целом. Традиционно восхвалявшие М.Н. Ербанова советские историки закономерно игнорировали тот факт, что председатель Совнаркома и председатель ЦИК Бурят-Монгольской республики имел большие амбиции и для достижения своих целей прибегал к неформальным и даже запрещенным в РКП(б) методам внутрипартийной борьбы.

По итогам состоявшегося 23 октября 1925 г. заседания Оргбюро ЦК РКП(б) направило Бурят-Монгольскому обкому РКП(б) письмо, в котором охарактеризовало произошедший конфликт как совершенно недопустимый и призвало окончательно ликвидировать ненормальные взаимоотношения между отдельными ответственными работниками республики. В то же время в письме говорилось, что ЦК РКП(б) «не находит нужным производить какие-либо [новые] изменения в составе о[бластного] к[омитета] до очередной Бурят-Монгольской партконференции» [36. Л. 96].

Несмотря на то что конфликт в Бурят-Монгольском обкоме на протяжении нескольких месяцев являлся предметом разбирательства ЦК и ЦКК РКП(б), руководство низовых партийных организаций, не говоря уже о рядовых коммунистах, не имело о нем никакого представления. Поэтому прежде чем огласить решение высших партийных органов на областной конференции РКП(б), президиум обкома вынес вопрос на пленум, состоявшийся 2–3 ноября 1925 года [10. С. 131]. Большинство выступивших в ходе заседания высказались в поддержку М.М. Сахьяновой. Ответственные работники, ранее требовавшие её смещения, публично признали свои ошибки, а пленум в целом принял постановление, осудившее создавшуюся в руководстве парторганизации группировку [16. С. 29–30; 35. С. 280–343]. После такой предварительной подготовки информацию о случившемся в руководстве Бурят-Монгольской партийной организации следовало довести до широких партийных масс.

Третья областная конференция РКП(б) открылась в Верхнеудинске 8 ноября 1925 г. В отчетном докладе о деятельности обкома М.М. Сахьянова коротко остановилась на вопросе о группировке, деятельность которой, по её выражению, «была направлена против руководящей тройки президиума обкома», то есть против неё самой, П.А. Беляева и М.Б. Дворкина. Да-

лее М.М. Сахьянова зачитала постановления Оргбюро ЦК РКП(б) от 23 октября и пленума Бурят-Монгольского обкома от 3 ноября, предложила одобрить принятые решения и выразила надежду на «скорейшее изжитие остатков болезненного явления» [35. Л. 373].

В прениях по докладу М.М. Сахьяновой выступил М.Н. Ербанов. «Моя главная ошибка в том, – заявил он, – что я не пресек в корне образование группы и дал ей возможность своим участием углубиться и просуществовать бесславно некоторое время». Теперь, после получения партийного взыскания от ЦК и ЦКК РКП(б), М.Н. Ербанов вел себя весьма сдержанно. Не выдвигая больше никаких ультиматумов по поводу невозможности сработаться с М.М. Сахьяновой, он спокойно заключил: «По-моему, меня необходимо высадить отсюда, послать на учебу оздоровить мозги» [Там же. Л. 412].

13 ноября 1925 г. на заключительном заседании конференции состоялись выборы нового состава областного комитета РКП(б), а ввиду особой ситуации – и секретаря обкома. Присутствовавшим делегатам было сообщено, что Сибкрайком РКП(б) и ЦК РКП(б) рекомендовали оставить секретарем Бурят-Монгольского обкома М.М. Сахьянову, а сеньорен-конвент конференции это решение полностью поддержал [Там же. Л. 456]. Такая постановка вопроса сама по себе исключала возможность каких-либо дискуссий, благодаря чему конференция единогласно переизбрала М.М. Сахьянову на прежнюю должность.

Далее прежде чем приступить к выбору пленума обкома конференция специально обсудила вопрос о кандидатуре М.Н. Ербанова. Несмотря на его категорический отказ, аргументированный фактом участия в группировке, сеньорен-конвент конференции, тем не менее, признал дальнейшую работу М.Н. Ербанова в Бурятии вполне возможной и предложил избрать его не только членом обкома, но и членом президиума, хотя последнее на самом деле входило в компетенцию пленума областного комитета. Делегаты конференции поддержали предложение сеньорен-конвента и проголосовали «за».

После того, как два наиболее сложных кадровых вопроса были разрешены, конференция приступила, наконец, к формированию пленума Бурят-Монгольского областного комитета РКП(б). По предложению М.М. Сахьяновой в его состав были избраны 33 члена и 11 кандидатов в члены. В числе избранных конференцией членов обкома оказались как подвергавшиеся прежде критике со стороны коммунистов-бурят П.А. Беляев и М.Б. Дворкин, так и замешанные в группировке П.А. Сыренов и Д.М. Убугунов [Там же. Л. 457]. Основной причиной такого кадрового решения, по всей видимости, оставался острый недостаток опытных ответственных работников из числа бурятского населения.

Создание в марте 1925 г. неформальной группы, нацеленной на смещение с должности секретаря обкома, выходило за рамки партийных норм, правил и традиций. Поэтому изначально её участники в большей степени были ориентированы на использование неформальных практик борьбы за власть. Противостоявшие этой группе М.М. Сахьянова, П.А. Беляев, М.Б. Дворкин и А.Н. Широков, напротив, почти с самого начала действовали в пределах своей компетенции и в соответствии с партийным Уставом. Избрание исключительно официальных методов борьбы и поддержка со стороны Центрального комитета РКП(б), который не мог допустить смещения секретаря обкома по инициативе снизу в качестве прецедента, позволили М.М. Сахьяновой сохранить свои политические позиции. Признав её действия правильными и решительно осудив группировку, ЦК и ЦКК РКП(б) на первый взгляд разреши-ли конфликт. Однако поддержанное областной конференцией решение ЦК РКП(б) оставить на ответственных постах как М.М. Сахьянову, так и добивавшегося её смещения М.Н. Ербанова привело к тому, что противоречия оказались на самом деле не столько сняты, сколько законсервированы. Косвенным подтверждением этого вывода служит тот факт, что три года спустя, в конце 1928 г., в Бурят-Монгольском обкоме ВКП(б) разразился новый конфликт, следствием которого стало откомандирование М.М. Сахьяновой в распоряжение ЦК ВКП(б) и избрание новым секретарем областного комитета М.Н. Ербанова.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Данные об отчестве Сыренова расходятся. В одних документах он именовал себя Петром Александровичем, в других – Петром Ныленовичем. В научной литературе чаще используется первый вариант.

[2] Собрание состоялось во время Второго съезда Советов Бурят-Монгольской АССР, на заключительном заседании которого 25 марта 1925 г. Е.Н. Абашеев был избран членом ЦИК Бурят-Монгольской республики.

ЛИТЕРАТУРА

1. История Бурят-Монгольской АССР. Улан-Удэ, 1959. Т. 2. 643 с.
2. Басаев Г.Д. Политическая история Республики Бурятия в 20–30-е годы и роль в ней М.Н. Ербанова : дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 1998. 449 с.
3. Палхаева Е.Н., Протасов Е.Т. Законодательная власть Бурят-Монгольской АССР (1923–1937 гг.): историческое исследование. Улан-Удэ, 2008. 136 с.
4. Бурятия: энциклопедический справочник. Т. 2: История: от древности до современности. Улан-Удэ, 2011. 299 с.
5. История Бурятии / гл. ред. и рук. Проекта Б.В. Базаров. Т. 3: XX–XXI вв. Улан-Удэ, 2011. 461 с.
6. Палхаева Е.Н. Трансформация государственности бурят в XX – начале XXI в. Улан-Удэ, 2012. 295 с.
7. Басаев Г.Д. Некоторые вопросы партийного строительства в Бурятии (1923–1928 гг.) // Из истории партийной организации Бурятии. Сборник статей. Улан-Удэ, 1959. Вып. 1. С. 37–80.
8. Очерки истории Бурятской организации КПСС. Улан-Удэ, 1970. 611 с.
9. Басаев Г.Д. Становление Бурятской организации КПСС. Улан-Удэ, 1988. 176 с.

10. Бурятская областная организация КПСС. 1895–1987. В 2-х книгах. Кн. 1 (1895 – июнь 1941 г.) / сост. Г.Л. Санжиев, Н.А. Худугаев. Улан-Удэ, 1987. 264 с.
11. Бутаев И.А. Бурятская коммунистическая организация эпохи СССР. Улан-Удэ, 2016. 248 с.
12. Бартанова А. Партийный стаж – полвека (к 70-летию М.М. Сахьяновой) // Байкал. 1966. № 1. С. 122–123.
13. Борцы за власть Советов в Бурятии. Краткие биографии участников Октябрьской революции и гражданской войны. Улан-Удэ, 1967. 313 с.
14. Ербанова С.Я., Г.Д. Басаев. М.Н. Ербанов. Улан-Удэ, 1967. 147 с.
15. Батуев Б.Б. М.М. Сахьянова (о её деятельности в 1917–1928 гг.) // Национально-освободительное движение Бурятского народа : тезисы и материалы докладов и сообщений. Улан-Удэ, 1989. С. 31–35.
16. Батуев Б.Б. Мария Михайловна Сахьянова. Страницы политической биографии. Улан-Удэ, 1992. 85 с.
17. Курас Л.В. Ербанов Михей Николаевич // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 3. С. 534–535.
18. Истер Дж. Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России. М., 2010. 255 с.
19. Гетти А. Практика сталинизма. Большевики, бояре и неумирающая традиция. М., 2016. 374 с.
20. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 67. Д. 29.
21. Бурятская АССР за 50 лет: статистический справочник. Улан-Удэ, 1967. 95 с.
22. Материалы об итогах партийного строительства за три года (1924–1926 гг.). Верхнеудинск, 1927. 132 с.
23. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-2. Оп. 6. Д. 1630.
24. РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 12. Д. 3653.
25. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 4248.
26. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 65 а. Д. 11684.
27. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-374. Оп. 27. Д. 494.
28. ГАНО. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 37.
29. ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 515.
30. ГАНО. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 65.
31. ГАНО. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 108.
32. ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 518.
33. ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 734.
34. ГАНО. Ф. П-6. Оп. 1. Д. 71.
35. ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 516.
36. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 67. Д. 30. Л. 96.

Статья представлена научной редакцией «История» 19 сентября 2017 г.

A CONFLICT IN THE BURYAT-MONGOL REGIONAL COMMITTEE OF THE RUSSIAN COMMUNIST PARTY OF THE BOLSHEVIKS: FORMAL AND INFORMAL TACTICS OF THE POWER GAME (MARCH–NOVEMBER 1925)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 426, 142–153.
DOI: 10.17223/15617793/426/18

Tatiana I. Morozova, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: mti137@yandex.ru

Keywords: RCP(b); Buryat-Mongolian Regional Committee; political practices; power struggle; conflict; M.N. Erbanov; A.I. Oshirov; M.M. Sakhyanova.

The article focuses on a conflict which took place in the Buryat-Mongol Oblast Committee of the RCP(b) leadership in March 1925. This conflict was latent and lasted for eight months. The author of this article has completed the predecessors' findings with extra assumptions based on new information. This includes minutes, abstracts of the minutes and shorthand notes of the party bodies' meetings at the Buryat-Mongol Oblast Committee as well as at the Central Committee and the Central Control Commission of the RCP(b), along with official statements and private correspondence of senior officials. The article shows that M.M. Sakhyanova's appointment as the Oblast Committee Secretary triggered the conflict. When A.I. Oshirov, a member of a well-to-do Buryat family, was elected into the Oblast Committee in March 1925, it was seen as M.M. Sakhyanova's attempt to strengthen her positions, as then he was her husband. A group of Buryat-born senior officials who were dissatisfied with this decision accused A.I. Oshirov of having a counter-revolutionary background and demanded to expel him from the Committee. However, M.N. Erbanov, the Chairman of the Council of People's Commissars of the Buryat Autonomous Soviet Socialist Republic, offered to solve the conflict in a different way – by appointing a new Oblast Committee secretary. The author of this article has identified all the participants of the conflict and found out their main motives. The article shows that the members of the so-called faction, the mere existence of which was against the party norms, rules, and traditions, were initially inclined to use informal tactics of power game. However, after the Central Committee and the Central Control Commission of the RCP(b) started investigation into this conflict, they had to apply extra methods, such as overt confrontation through speaking out at the Oblast Committee meetings and submission of official statements to the superior party bodies. The Oblast Committee Secretary M. M. Sakhyanova opposing the faction and Russian-born senior officials who supported her acted unlike the faction: openly almost from the very beginning: they brought up questions for discussion at the Oblast Committee and Oblast Control Commission, adopted appropriate resolutions and submitted the case to both the Siberian and Central Control Commissions. The conclusion is that M.M. Sakhyanova managed to retain her political position because she relied on official methods of power game only and had the support of the Central Committee of the RCP(b), which would not tolerate the Oblast Committee Secretary's demotion at the grassroots initiative. The Central Committee and the Central Control Commission approved Sakhyanova's actions and strongly rebuked the faction thus seemingly resolving the conflict. However, M.N. Erbanov, Sakhyanova's main opponent, maintained his position, so the Central Committee of the RCP(b) did not remove the root cause of the conflict to arise again.

REFERENCES

1. Khaptaev, P.T. (ed.) (1959) *Istoriya Buryat-Mongol'skoy ASSR* [History of the Buryat-Mongolian ASSR]. Vol. 2. Ulan-Ude: [s.n.].
2. Basaev, G.D. (19**9**8) *Politicheskaya istoriya Respubliki Buryatiya v 20–30-e gody i rol' v ney M.N. Erbanova* [The political history of the Republic of Buryatia in the '20s–'30s and the role of M.N. Erbanov in it]. History Dr. Diss. Irkutsk.

3. Palkhaeva, E.N. & Protasov, E.T. (2008) *Zakonodatel'naya vlast' Buryat-Mongol'skoy ASSR (1923–1937 gg.): istoricheskoe issledovanie* [Legislative power of the Buryat-Mongolian ASSR (1923–1937): Historical research]. Ulan-Ude: Buryat State University.
4. Tulokhonov, A.K. (ed.) (2011) *Buryatiya: entsiklopedicheskiy spravochnik* [Buryatia: an encyclopedic reference book]. Vol. 2. Ulan-Ude: Ekos.
5. Bazarov, B.V. (ed.) (2011) *Istoriya Buryatii* [History of Buryatia]. Vol. 3. Ulan-Ude: Buryat Science Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.
6. Palkhaeva, E.N. (2012) *Transformatsiya gosudarstvennosti buryat v XX – nachale XXI* v. [Transformation of the statehood of the Buryats in the 20th – beginning of the 21st centuries]. Ulan-Ude: Buryat State University.
7. Basaev, G.D. (1959) Nekotorye voprosy partiynogo stroitel'stva v Buryatii (1923–1928 gg.) [Some issues of party building in Buryatia (1923–1928)]. In: Maslov, K.E. & Ochirov, Ts.O. (eds) *Iz istorii partiynoy organizatsii Buryatii* [From the history of the party organization of Buryatia]. Is. 1. Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo.
8. Khakhalov, A.U. (ed.) (1970) *Ocherki istorii Buryatskoy organizatsii KPSS* [Essays on the history of the Buryat organization of the CPSU]. Ulan-Ude: Buryat.kn.izd-vo.
9. Basaev, G.D. (1988) *Stanovlenie Buryatskoy organizatsii KPSS* [Formation of the Buryat organization of the CPSU]. Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo.
10. Sanzhiev, G.L. & Khudugaev, N.A. (1987) *Buryatskaya oblastnaya organizatsiya KPSS. 1895–1987. V 2-kh knigakh* [Buryat regional organization of the CPSU. 1895–1987. In 2 books]. Book 1. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo.
11. Butaev, I.A. (2016) *Buryatskaya kommunisticheskaya organizatsiya epokhi SSSR* [Buryat Communist Organization of the USSR]. Ulan-Ude: Buryat State University.
12. Bartanova, A. (1966) Partiynyy stazh – polveka (k 70-letiyu M.M. Sakh'yanovoy) [The Party experience of half a century (to the 70th birthday of M.M. Sakhyanova)]. *Baykal*. 1. pp. 122–123.
13. Tsyrempilon, D.Ts. et al. (eds) *Bortsy za vlast' Sovetov v Buryatii. Kratkie biografii uchastnikov Oktyabr'skoy revolyutsii i grazhdanskoy voyny* [The fighters for the power of the Soviets in Buryatia. Brief biographies of participants in the October Revolution and the Civil War]. Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo.
14. Erbanova, S.Ya. & Basaev, G.D. (1967) *M.N. Erbanov*. Ulan-Ude: Buryat. kn. Izd-vo. (In Russian).
15. Batuev, B.B. (1989) M.M. Sakh'yanova (o ee deyatel'nosti v 1917–1928 gg.) [M.M. Sakhyanova (on her activities in 1917–1928)]. In: *Natsional'no-osvoboditel'noe dvizhenie Buryatskogo naroda: tezisy i materialy dokladov i soobshcheniy* [National Liberation Movement of the Buryat people: abstracts and materials of reports]. Ulan-Ude: Institute of Social Sciences of the Siberian Branch of the Academy of Sciences of the USSR.
16. Batuev, B.B. (1992) *Mariya Mikhaylovna Sakh'yanova. Stranitsy politicheskoy biografii* [Maria Mikhailovna Sakhyanova. Pages of political biography]. Ulan-Ude: Obshchestvenno-nauch. tsentr "Sibir'".
17. Kuras, L.V. (2009) Erbanov Mikhey Nikolaevich. In: Lamin, V.A. (ed.) *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri* [Historical encyclopedia of Siberia]. Vol. 3. Novosibirsk: Istoricheskoe Nasledie Sibiri.
18. Ister, J. (2010) *Sovetskoe gosudarstvennoe stroitel'stvo. Sistema lichnykh svyazey i samoidentifikatsiya elity v Sovetskoy Rossii* [Soviet state building. The system of personal ties and the self-identification of the elite in Soviet Russia]. Translated from English. Moscow: ROSSPEN; fond "Prezidentskiy tsentr B. N. El'tsina".
19. Getty, A. (2016) *Praktika stalinizma. Bol'sheviki, boyare i neumirayushchaya traditsiya* [Practice of Stalinism. Bolsheviks, boyars and the never dying tradition]. Translated from English. Moscow: ROSSPEN.
20. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 67. File 29. (In Russian).
21. Komarov, N.N. et al. (eds) (1967) *Buryatskaya ASSR za 50 let: statisticheskiy spravochnik* [Buryat Autonomous Soviet Socialist Republic for 50 years: statistical handbook]. Ulan-Ude: Statistika, Bashkirskoe otdelenie.
22. TsSNKh BMASSR. (1927) *Materialy ob itogakh partiynogo stroitel'stva za tri goda (1924–1926 gg.)* [Materials on the results of party building for three years (1924–1926)]. Verkhneudinsk: tip. TsSNKh BMASSR.
23. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-2. List 6. File 1630. (In Russian).
24. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 532. List 12. File 3653. (In Russian).
25. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 100. File 4248. (In Russian).
26. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 495. List 65 a. File 11684. (In Russian).
27. State Archive of the Russian Federation (GA RF). Fund R-374. List 27. File 494. (In Russian).
28. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-2. List 2. File 37. (In Russian).
29. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-2. List 1. File 515. (In Russian).
30. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-2. List 2. File 65. (In Russian).
31. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-2. List 2. File 108. (In Russian).
32. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-2. List 1. File 518. (In Russian).
33. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-2. List 1. File 734. (In Russian).
34. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-6. List 1. File 71. (In Russian).
35. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-2. List 1. File 516. (In Russian).
36. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 67. File 30. Page 96. (In Russian).

Received: 19 September 2017